

Тамара Михайловна, после удачного творческого союза с французом Мишелем Леграном почему вы обратили свои творческие помыслы в сторону «берега турецкого»?

- С маэстро Леграном мы продолжаем работать, он сейчас пишет для меня песни, и к осени выпустим новую программу. А дуэт с Серхатом зародился в прошлом году на «Славянском базаре». Мы в фестивальном жюри представляли каждый свою страну, ежедневно виделись на пресс-конференциях, вместе ужинали, обсуждали конкурсантов. И сама собой пришла идея спеть вместе, соединив его хриловатый баритон с тембром моего голоса. Сегодня проект обрел реальные очертания, скоро выпустим компакт-диск, а пока на заключительном концерте «Славянского базара» прошла премьера двух первых баллад. Мы волновались, но боевое крещение, кажется, прошло удачно.

- Я знаю, что вы поете на семи языках. А с Серхатом общаетесь на турецком?

- Нет, по-турецки я не понимаю. Говорим на английском. Но самое главное, мы общаемся на языке музыки, который понятен без переводчиков. Каждый привносит в дуэт музыкальные интонации своей страны. Это продумано, прочувствовано, пропущено через себя. Композитор проекта много лет пишет для Серхата, ему дали послушать мои альбомы, и он сочинял, учитывая мою манеру исполнения. Люди Средиземноморья понимают друг друга очень хорошо. Надеюсь, наш проект станет успешным.

- В любом дуэте важна лирическая тема. Насколько я знаю, вы женщина свободная, а Серхат мужчина видный - говорят, у себя на родине он играл в театре Ромео...

- Ну, что бы я сейчас ни сказала, «лирическую тему» вы все равно допишете. Мы с Серхатом, конечно, уже вышли из возраста Ромео и Джульетты. Между людьми, которые вместе выходят на сцену, должны быть доверительные отношения - невозможно петь с человеком, которому не симпатизируешь. В данном случае музыка настолько сильна, товарищеские отношения настолько крепки, что, наверное, можно обойтись без дополнительной «лирики».

- В этом году на «Славянском базаре» журналисты возмущались работой жюри на конкурсе молодых исполнителей. Почти каждый член жюри ставил высокий балл конкурсанту-соотечественнику и низкие всем чужим. По-вашему, нужно ли что-то менять в уставе фестиваля?

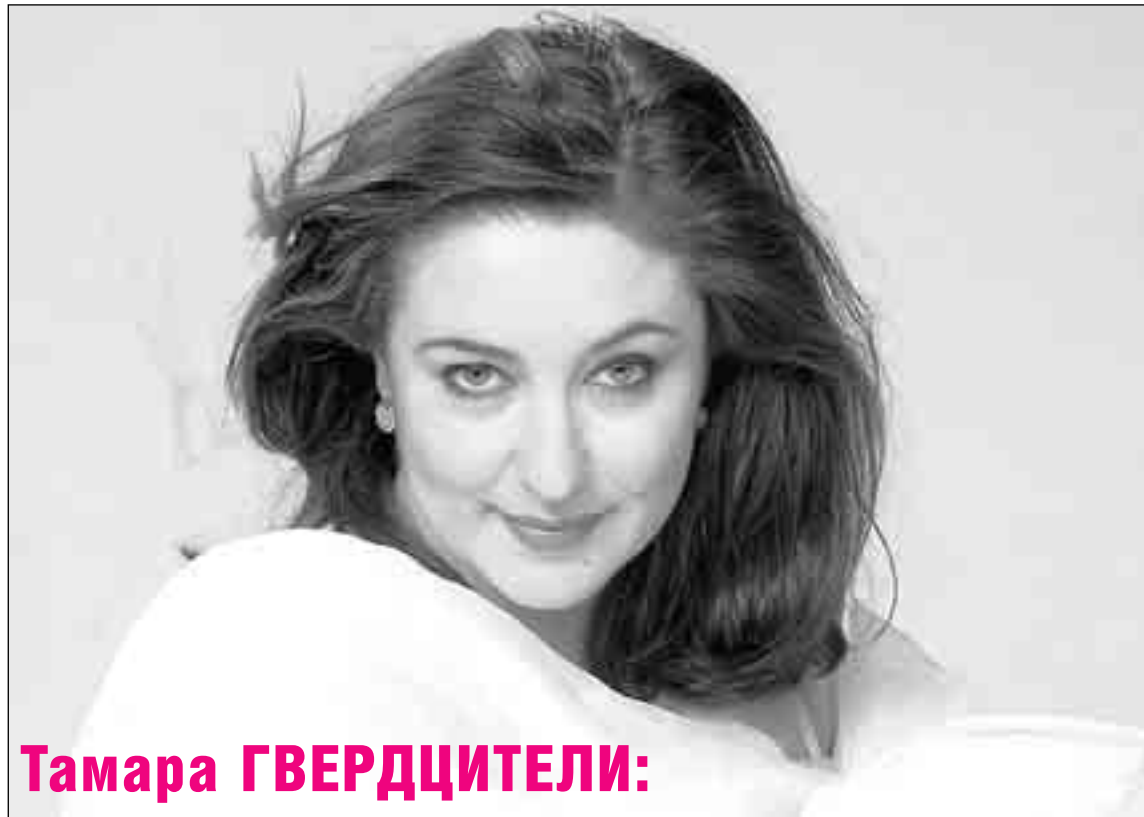
- В жюри, как правило, входят известные артисты или люди, близкие к музыке. То есть профессионалы. Здесь все происходит более эмоционально, чем на соревнованиях по бегу трусой или прыжкам в высоту, случаются издержки. Но нужно ли менять что-то в уставе? Не знаю. По моим наблюдениям, жюри делится на добрых судей и не очень. Иногда оценку можно чуть-чуть завышать - ведь фестиваль призван оценивать не только «текущий момент», но и угадывать перспективу роста в том или ином молодом исполнителе. Учитывая такие нюансы, я считаю, что в этом году голосование было честным.

- Давайте вернемся немного к началу вашей вокальной карьеры, когда вы пели в детском эстрадном ансамбле «Мзиури» («Юность»), гремевшем по всему Советскому Союзу. Медики утверждают, что ранняя слава вредит психике ребенка: развивается «звездная болезнь», появляются проблемы в общении с не столь именитыми сверстниками... Как вы это пережили?

- Наш ансамбль состоял при Дворце пионеров, и все мы, конечно же, были пионерами. А пионер и слава - если помните, понятия несовместимые. В коллективе, где 20 девочек, весьма, надо сказать, темпераментных, педагоги держались того мнения, что никого не надо особенно выделять - сцена и жизнь сами расставят все по своим местам. Нас воспитывали в строгих ус-

Она начала петь едва ли не раньше, чем говорить. По свидетельству мамы, в три годика у сладкоголосой Тамрико уже был свой репертуар из русских и грузинских песен. Потом - участие в знаменитом ансамбле «Мзиури», диплом с отличием в Тбилисской консерватории, победы на многочисленных конкурсах и фестивалях. В 1991 году ее пригласили в Париж к знаменитому Мишелю Леграну («Шербурские зонтики»). После первого же их совместного концерта французская пресса окрестила певицу «русской Эдит Пиаф».

Недавно народная артистка Грузии и России Тамара Гвердцители представила свой новый международный проект - альбом «Лунная ночь в Стамбуле», записанный в дуэте с турецким певцом Серхатом. С этого обстоятельства мы и начали нашу беседу.



Тамара ГВЕРДЦИТЕЛИ:

СЫНА В ШОУ-БИЗНЕС НЕ ОТДАМ

тоях советской морали. Единственная привилегия: «мзиурята» пропускали учебу, чему по малолетству мы очень радовались.

К тому же насладиться плодами ранней славы мы попросту не успевали, поскольку были слишком заняты репетициями, выступлениями, переездами из города в город. Помню, как двое суток ехали поездом на гастроли в Ленинград и столько же времени обратно. Нас сопровождала женщина-педагог, которая жутко боялась ответственности. Тех, кому досталась верхняя полка, на ночь она привязывала веревками, чтобы девочки, не дай бог, оттуда не свалились. Но строгий режим мы терпели недолго - почти всю дорогу проказничали и веселились от души. С этих гастролей бедный педагог вернулась еле живая от переживаний. Для многих из нас это было первое путешествие на поезде. Мне тогда было 10 лет.

- Значит, вы были веселой девочкой. А почему же в музыкальном спектакле «Золотой ключик» предпочли роль печальника Пьеро?

- Это первый детский мюзикл в СССР. Создали его на основе музыки Алексея Рыбникова к знаменитому фильму Леонида Нечаева «Приключения Буратино». Либретто написали Булат Окуджава и Юрий Энтин. Из Москвы вызвали для постановки Александра Жеромского, в то время главрежа столичного театра пантомимы. Между собой мы долго перешептывались, кто же из девочек сыграет Карabas Барабаса, папу Карло, Дуремара... Больше всего желающим было на роль Буратино и, конечно, Мальвины - «девочки с голубыми волосами». Я в то время училась в шестом классе, серьезно занималась классическим фортепиано в

спецшколе при Тбилисской консерватории, неустанно разучивая сонаты Гайдна и этюды Шопена. И честно вам признаюсь, из всей той сказки симпатизировала только Пьеро - нескладному человечку в большом колпаке, с нарисованными страдальческими бровями, который не стыдится рассказывать о своей большой любви. Мне очень нравилась его песенка: «Не нужна мне малина, не страшна мне ангина, не боюсь я вообще ничего». И когда на роль Пьеро утвердили Тамрико Гвердцители, моей радости не было предела. Потом я поняла, что все герои «Золотого ключика» - персонажи одной большой пьесы под названием Жизнь. И, доверяя играть Пьеро, Александр Жеромский готовил меня к большой сцене.

- Вы не пытались потом продолжить работу с Алексеем Рыбниковым?

- К сожалению, пока не было такой возможности. Насколько я знаю, он не пишет песни специально для исполнителей. А те из его вещей, которые поют и перепевают на эстраде, взяты из его спектаклей или из кинофильмов. Думаю, это несправедливо. Рыбников - выдающийся композитор, каждое сочинение которого становится событием. Кто-то должен подвигнуть его на создание песен. Российская эстрада сейчас, как никогда, нуждается в качественном музыкальном материале.

Любому певцу очень важно найти своего автора, который будет сочинять для него. Сейчас у меня сложился интересный творческий союз с композитором Кимом Брейтбургом. Он хорошо знает и чувствует природу моего голоса. И, что немало важно, Ким - замечательный мелодист. А в мире сейчас очень не хватает мелодий.

- Своих детей вы бы отдали куда-нибудь на «Фабрику звезд» или в «Народные артисты»?

- Нет, что вы! Сейчас все измеряется деньгами - и концерты, и компакт-диски. Но ведь ребенок приходит в самодеятельность не для того, чтобы зарабатывать, а «для души». В этом, мне кажется, есть большое противоречие. Боюсь, что так серьезно, как занимались с нами, теперь просто никто не хочет работать. Уже нет тех самоотверженных педагогов, которые трудились не за гонорары, а просто в свое удовольствие. И нет людей, которым я бы доверила своего ребенка. У моего сына Сандро хороший слух, замечательный голос и, как говорят в Грузии, «есть совесть». Но этому парню не место в шоу-бизнесе. Только теперь я понимаю, как же в детстве мне повезло...

- В марте по новостным лентам прошло сенсационное сообщение, что Тамара Гвердцители собирается выступить на Евровидении-2008. Цитирую: «Певица ничуть не сомневается в своей победе. Не останавливает ее и то, что зрители Евровидения отдадут предпочтение молодым участникам. Так, в конкурсе успешно выступили Дима Билан, Алсу, группа «Тату», чего не скажешь о мэтрах российской эстрады Алле Пугачевой и Филиппе Киркорове, с треском провалившихся». Скажите, зачем вам конкурс художественной самодеятельности, как его охарактеризовал продюсер Бари Алибасов?

- Насчет моего участия в Евровидении скажу, что некоторые люди выдали желаемое за действительное. Это произошло, когда мы с Серхатом записывали в Брюсселе свой альбом. К нам поступило предложение: не спеть ли вам вместе на следующем Евровидении? Мы сра-

зу сказали, что у нас нет особого желания. Но, как известно, главное - заронить зерно. И вот уже журналисты подхватили, интерпретировали и растиражировали этот слух. А зачем мне Евровидение после того, как я покорила «Славянский базар»? От витебской фестивальной публики я всегда настолько вдохновляюсь, что впечатлений потом хватает на весь год.

- Вы одна из немногих, кто не дает рухнуть хрупкому мостику культурного общения между Россией и Грузией. В свете напряженных отношений между нашими странами, периодически обостряющихся, обращались ли к вам с той или другой стороны за какой-либо дипломатической помощью?

- К сожалению, в данном случае ни один человек вне политики сейчас ничего не может решить. Мы просто терпеливо ждем, до чего договорятся профессиональные политики и дипломаты. Всецело зависим от этого. А пока приходится ездить на родину не напрямую, через третьи страны, поскольку воздушное сообщение Москва-Тбилиси не восстановилось. Летим либо через Киев, либо через Баку. Это нас печалит. Мне кажется, расхождения между Россией и Грузией во многом преувеличены, и вскоре все эти недоразумения должны урегулироваться.

- В 2004 году вы впервые спели в опере, спустя два года сыграли в кино, потом дебютировали в драмтеатре. Это случайности или поиск себя?

- В кино я действительно попала случайно. Мы дружим с Олегом Митяевым, через него я познакомилась с Тодоровским-старшим и его супругой Миррой, которая является автором сценария и сорежиссером сериала «Жена Сталина». Мы тепло общались, и я оказалась на съемочной площадке. Сыграла оперную певицу и родственницу Сосо, которая слишком много знала и пыталась открыть глаза на происходящее своей подруге Наде Аллилуевой. Первый опыт в кино, кажется, удался.

Театр в моей жизни - большое событие, к которому я шла разными путями всю жизнь. Три года назад на базе Московского театра Российской армии Юлий Гусман поставил спектакль с элементами мюзикла «Человек из Ламанку», где я играю Владиславу Тобосскую в дуэте с Владимиром Зельдиным-Дон Кихотом. Выходить на одну сцену с таким корифеем - для этого требуется определенная смелость. Но спектакль настолько потрясающий, что я нашла в себе храбрость. Владимир Михайлович помог мне, повел за собой.

Свою третью ипостась я реализовала на Украине - спела партию Кармен в одноименной опере Жоржа Бизе, которую поставил Юрий Чайка в Днепропетровском оперном театре. Кстати, мы пели по-французски, на языке оригинала. Дольсинья и Кармен - это мечта любой актрисы, любой певицы. А я с этого начала. Пришлось отложить на время проекты на эстраде, которой я честно служу всю жизнь. Но оказаться в океане гениальной классической музыки и работать с потрясающими артистами - поверьте, это чудо, ради которого стоит пожертвовать многим.

- Некоторые деятели культуры восточных краев, живущие в Москве, покупают на своих исторических родинах землю, разводят виноградники, дают вино собственных марок. А у вас просыпается тяга к земле?

- У меня никогда не было желания заниматься виноделием, как, впрочем, и никаким другим бизнесом, даже если бы он принесил чувствительные дивиденды. К этому ведь тоже нужно иметь призвание. А я музыкант, живу в своем мире. Как у многих грузин-москвичей, в Тбилиси у меня есть дом моего детства, куда я с удовольствием приезжаю, он сохранил какую-то чудесную атмосферу. Туда любит ездить мой сын. Для меня это очень важно. Родина остается в моей музыке, в моей душе...

Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ
Фото автора